

вонским орденом. Как и Ягайло, Витовт вручил де Ланнуа письма, для безопасного проезда через Османскую империю «написанные на татарском, русском и латинском языках» [3, с. 56]. Пробыв при дворе Витовта 9 дней, де Ланнуа убедился, что великий князь является союзником Османской империи против императора Сигизмунда Люксембурга, и не будет помогать организаторам крестового похода. Причиной разногласий между императором Сигизмундом и Витовтом стала поддержка последним чешских гуситов. Сам де Ланнуа, приняв многочисленные подарки Витовта, отказался принять золото и серебро «потому что в это время он (Витовт) был в союзе с гуситами, против нашей веры» [3, с. 57].

Вернувшись из Каменца во Львов, Жильбер де Ланнуа прибыл в «другой Каменец, удивительный также (как и Львов), принадлежащий упомянутому князю (Витовту)» [3, с. 58]. Из Каменца посольство направилось ко двору государя Валахии и Молдавии, где получило полные и достоверные известия о смерти турецкого султана, смуте в Османской империи и опасности передвижения по ее территории. Поэтому де Ланнуа решил направиться в Каффу (Феодосию) [3, с. 59]. В устье Днестра он был свидетелем строительства наместником Витовта Гедигольдом крепости, для чего Гедигольд привел с собой «12 тысяч человек и 4 тысячи повозок, груженных камнем и деревом» [3, с. 59–60]. Претерпев ряд приключений Жильбер де Ланнуа с посольством прибыл в Каффу, принадлежавшую генуэзцам. Наняв в порту 4 галеры де Ланнуа прибыл в Константинополь, где был принят при дворе императора Мануила и передал ему письма от королей Англии и Франции. Велся разговор с императором об объединении восточного и западного христианства [3, с. 65]. В дальнейшем де Ланнуа посетил Палестину, Иерусалим, побывал на о. Родос и в Египте [4, с. 23]. Путешествие Жильбера де Ланнуа завершилось в 1423 г., но к этому времени ситуация во Франции изменилась – умерли король Франции Карл VI и король Англии Генрих V. Дофин Карл объявил себя королем Франции Карлом VII и начал войну за отцовский престол. Герцог Бургундский Филипп Добрый все больше втягивался во внутрифранцузские дела и идея крестового похода оказалась отодвинутой на второй план. Вместе с тем, сведения, сообщенные Жильбером де Ланнуа, не были забыты, как и его заслуги. В 1430 г. он стал одним из первых рыцарей, основанного Филиппом Добрым ордена Золотого Руна.

1. Алексяюк, М. І. Камянецкая вежа / М. І. Алексяюк // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 2. – С. 28.

2. Les Grands traites de la Guerre de Cent Ans, publiés par E. Cosneau. – Paris : Alphonse Picard, 1889. – 190 p.

3. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / recueillies et publiées par Ch. Potvin ; avec des notes géographiques et une carte, par J.-C. Houzeau. – Louvain : impr. de P. et J. Lefever, 1878. – 551 p.

4. Quarré-Reybourbon, L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarré-Reybourdon. – Lille : L. Quarré, libraire-éditeur, 1890. – 28 p.

Фомина Т.Ю.

ЛЕТОПИСЬ АВРААМКИ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ, ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Под названием Летопись Авраамки «принято понимать текст, содержащийся в летописном сборнике, составленном в 1495 г. в Смоленске западнорусским книжником Авраамкой, а также совпадающий с ним в ряде других рукописей» [1, с. 230]. На сегодняшний день, как отмечает А.Г. Бобров, Летопись Авраамки представлена шестью списками: 1) Виленский, 1470-е гг. (БАН Литвы, F. 22–49); 2) Синодальный, конца XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 154); 3) Толстовский, начала XVI в. (РНБ, ОСПК, F.IV.156); 4) Супрасльский, первой половины XVI в. (РГАДА, собр. МГАМИД № 26/70 (902/1468)); 5) Погодинский, XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 1570); 6) Тихановский, первой половины XVII в. (РНБ, собр. Тиханова, № 201) [1, с. 230].

Летопись Авраамки издавалась четырежды. В 1836 г. М.А. Оболенским был опубликован ее Супрасльский список с привлечением вариантов по списку Кирилло-Белозерского монастыря [9]. А.Г. Бобров определяет его как Синодальный № 2 [1, с. 22]. В 1889 г. в 16-м томе ПСРЛ издан «Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки» [5], который содержит текст Виленского списка (№ 1). Конец Виленского сборника (436–450 лл. – приблизительно около 10 печатных столбцов) в этом томе не опубликован, эти листы предполагалось издать вместе с литовскими летописями [10, с. 168]. Публикация Летописи Авраамки в ПСРЛ знаменательна тем, что впервые в отечественной науке в процессе издания летописного памятника к тексту рукописи были приложены обстоятельные указатели: личных имен, географический и предметный [10, с. 168–171]. В 1973 г. в Западной Германии было осуществлено репринтное изда-

ние этого тома (Bruckens-Verlag – Dusseldorf, 1973), а в 2000 году 16-й том ПСРЛ был воспроизведен издательством «Языки русской культуры» [6].

Выявление родственных списков, представляющих Летопись Авраамки, происходило постепенно. Так Супрасльская рукопись была известна Н.М. Карамзину и использовалась исследователем при создании «Истории государства Российского». Ученый называл ее «Архивской Киевской» [4, с. 465]. И.А. Тихомировым в рецензии на издание Летописи Авраамки 1889 г. было приведено ценное наблюдение, что Виленский список за исключением весьма немногих сведений, заимствованных из разных новгородских летописей, представляет почти дословное сходство с Супрасльской рукописью и, наряду с Супрасльским и Кирилло-Белозерским списками, опубликованными М.А. Оболенским, является третьим списком Летописи Авраамки [10, с. 168–171]. Четыре списка летописи (№ 1, 2, 3, 4.) были названы А.Е. Пресняковым в числе рукописей, которые необходимо привлечь в процессе публикации Новгородской IV летописи [7, с. 20–21]. Эти же рукописи указаны А.А. Шахматовым [13, с. 231], а вслед за ним и Д.С. Лихачевым [4, с. 465], в числе списков Летописи Авраамки. Указанный исследователями Толстовский I список № 189 (РНБ в Санкт-Петербурге), вероятно, соответствует – № 3 Толстовский, начала XVI в. (РНБ, ОСПК, Ф. IV.156).

В составе Летописи Авраамки традиционно выделяются три части: «первая содержит в себе сначала выписки из хронографа, а потом из русских летописей от начала Русской земли до 1469 г., вторая – летописный отрывок от 945 до 988 г., третья – начинается родословием великих князей русских; затем идут разные юридические памятники, за которыми опять следуют родословия тех же князей, перечень новгородских князей, русских митрополитов и новгородских епископов» [10, с. 169]. Историю возникновения данного летописного памятника Шахматов представлял следующим образом. В 1495 г. по велению смоленского епископа Иосифа Солтана был составлен лицом, именующим себя Авраамкой, летописный свод, скомбинировавший три летописных памятника. Первый из них краткий, очень древний хронограф особого состава, с приложенными к нему краткими извлечениями из новгородского свода 1448 г. (Новгородско-Софийский свод). Позднее Шахматов несколько меняет свою точку зрения, полагая, что хронограф был использован не составителем краткого извлечения и «свода 1448 г.», а непосредственно самим Авраамкой [13, с. 244 прим.]. Составителем также использована Новгородская V летопись, доведенная до 1446 г. И, наконец, известия заимствованы в Новгородской IV летописи с продолжением до 1469 г. и с приложенными к ней родословными и иными статьями [13, с. 252]. Однако в статье, написанной для Нового энциклопедического словаря, Шахматов высказывает иную точку зрения, согласно которой Синодальный список (№ 2) произошел от Псковского свода, в котором, начиная с 1309 по 1446 г., был заимствован текст из Новгородской V летописи. Из этой же Псковской летописи произошел свод, «обосложнивший основной текст выборкой из Новгородской IV летописи (из нее взят рассказ 1446–1469 гг. и ряд дополнительных статей)». Из Пскова этот новый свод перешел в Смоленск, где и лег в основу Летописи Авраамки, написанной в 1495 г. Из упомянутого выше Псковского свода произошел еще один Смоленский свод, представленный: 1) Толстовским списком, который за неоконченной статьей 1382 г. содержит краткую выборку из Новгородской V летописи, с присоединением еще трех известий; 2) Супрасльским списком, который за неоконченной статьей 1382 г. представляет ту же краткую выборку, но присоединяет к дополнительным известиям рассказ об южнорусских и западнорусских событиях 1481–1500 и 1483–1515 гг. [12, с. 162].

Основным и наиболее полным списком Летописи Авраамки исследователи признают Виленский список. Данный летописный сборник был найден А.В. Рачинским в Полоцке и подарен им Виленской Публичной библиотеке. В 1866 г. сборник был передан в Археографическую комиссию для издания (которое вышло в свет в 1889 г.) Это рукопись в четвертую долю, на 450 листах [6, с. П]. А.А. Шахматов описывает ее содержание следующим образом: «Сборник начинается особой хронографической компиляцией, основанной на тексте Палеи; затем следует русская летопись, которая в части до 1309 г. определена как извлечение из гипотетического “Свода 1448 г.”, статьи 1309–1446 гг. совпадают с Новгородской V летописью, далее до 1469 г. изложены новгородские известия; после окончания летописного текста помещены родословные, юридические и хронологические статьи, сходные с аналогичными статьями Комиссионного списка Новгородской первой летописи, и фрагмент из Новгородской IV летописи младшей редакции за 945–988 гг.» [13 с. 231–255]. Начало и конец сборника утрачены.

В рукописи различаются два почерка: первым переписаны л. 1–435 об., вторым почерком – л. 436–450 об. Судя по записи на л. 436–436 об., почерк второй части принадлежит смоленскому писцу Авраамке [6, с. I]. Список представляет собой по существу сборник-конволют, состоящий из древнего основания (л. 1–435), датируемого концом 60-х – началом 70-х годов XVI в., и последующей части (л. 436–450), написанной Авраамкой в Смоленске в 1495 году по благословению епископа Иосифа [6, с. II]. А.А. Шахматов колебался в определении творческого вклада в составление сборника самого Авраамки. Согласно последним его исследованиям, Авраамка в 1495 г. переписал только л. 436–450, т. е. вторую часть сборника, и не имел никакого отношения к составлению предшествующих текстов [6, с. III].

В определении состава источников Виленского списка советские и современные исследователи единодушны. В начальной части летописи до 1309 г. представлен Краткий новгородский летописец, основанный на Новгородской IV летописи и соединенный с известиями Сокращенного свода конца XV в. [6, с. III]. Часть летописи за 6817–6954 (1309–1446) гг. представляет текст Новгородской V летописи. Далее, до 6977(1469) г. изложены новгородские известия [3, с. 94]. При этом Виленский список схож с Синодальным и в последней части содержит те же самые хронографические и хронологические статьи [3, с. 94].

Сборник, где представлен Синодальный список Летописи Авраамки, содержит 307 пронумерованных листов. Весь сборник был написан одним лицом, приписка на л. 307 об. была сделана позже, другим писцом. Рукопись была переписана в конце XV в., большинство хронологических показаний филигрании не переходит за 80-е годы этого века [8, с. XII–XIV]. Однако, по мнению А.А. Шахматова, Синодальный список был составлен в Пскове в начале XVI в. на основе дефектного экземпляра сборника Авраамки, где составитель несколько сократил текст Авраамки, а выборки из Новгородской IV заменил текстом Псковской летописи [13, с. 254]. М.Н. Тихомиров не сомневался в псковском происхождении рукописи, но отмечал связь Синодального списка с Владимиром Суздальским, к которому, несомненно, относится ряд прибавочных статей, в особенности легендарная (л. 224): «а се князи рустии» [11, с. 271].

Толстовский список Шахматов признает если не протографом Супрасльского, то более исправной копией с общего обоим спискам протографа [13, с. 234]. Позднейшая приписка на обороте последнего листа Толстовского списка доказывает западное или юго-западное происхождение сборника [13, с. 233]. Д.С. Лихачев полагал, что Толстовский и Супрасльский списки составлены в Белоруссии. При этом Супрасльский список с некоторыми добавлениями представляет собой копию с Толстовского [4, с. 467]. В числе источников летописного сборника Супрасльского монастыря, заканчивающегося 1543 г., Шахматов называет Новгородскую IV летопись, вероятнее всего, в первой редакции [14, с. 132].

Наибольший интерес Летопись Авраамки представляет в заключительной своей части – 1447–1469 гг. (стб. 190–224), где источник содержит сведения, не встречающиеся в других рукописях, и подробнее передает известия, помещенные в Новгородских III и Новгородской IV летописях [2, с. 733]. «С литературной точки зрения Летопись Авраамки за 1447–1469 гг. является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы “плетения словес”, особенно нанизывание эпитетов..., ритмизацию повествования и глагольные рифмы» [1, с. 232]. И.А. Тихомиров признает в создателе летописи лицо духовное: «Возможно, писатель был из клира св. Софии» [10, с. 171]. События, описанные в сборнике Авраамки, касаются взаимных отношений Новгорода, Пскова и Москвы в период, предшествовавший падению Новгорода, его неприязненным отношениям к Пскову и руководящей роли архиепископа Ионы. С момента избрания последнего (1458 г.) и почти до его кончины (1470 г.) летопись сосредотачивается на его деятельности. На основе этого В.С. Иконников заключает, что автором ее было лицо, близкое к архиепископу Ионе и вероятно принадлежавшее к софийскому клиру [2, с. 732]. Согласно наблюдению А.Г. Боброва, автор известий Летописи Авраамки за 1447–1469 гг. был не только современником описываемых событий, но и «официальным владычным летописцем», весьма искусственным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный экспрессивно-эмоциональный стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями..., цитатами из церковной службы и Священного Писания» [1, с. 232].

Таким образом, Летопись Авраамки следует признать достаточно изученной в таких аспектах как состав, источники, время, место и обстоятельства создания Виленского, Синодального,

Толстовского и Супрасльского списков летописи. Однако следует согласиться с выводами А.Г. Боброва о том, что этот летописный памятник требует нового комментированного издания и более пристального внимания будущих исследователей, которым «стоит обратить особое внимание на некоторую неоднородность этого текста: начиная с 1458 г. он становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат. В этой связи следует задуматься о возможном участии в его создании Пахомия Сербя, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе» [1, с. 233].

1. Бобров, А. Г. Новгородские летописи XV века / А. Г. Бобров – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 287 с.
2. Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. – Киев : Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1908. – Т. 2. – Кн. 1. – 1056 с.
3. Клосс, Б. М. Русские летописи XI–XV вв. : материалы для описания. / Б. М. Клосс, Я. С. Лурье // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1976. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 78–139.
4. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Наука, 1947. – 500 с.
5. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Ф. Елеонского, 1889. – Т. 16 : Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. – 320 стб., 69 с.
6. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 16 : Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. – XII, 240 с.
7. Пресняков, А. Е. Записка о Новгородской 4-й летописи / А. Е. Пресняков // Летопись занятий Археологической комиссии. – 1902. – Вып. 14. – С. 16–21.
8. Псковские летописи / подгот. к печ. А. Н. Насонов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 1. – 146 с.
9. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. – М. : Синодальной типографии, 1836. – 172 с.
10. Тихомиров, И. А. Летописный сборник, именуемый Летопись Авраамки / И. А. Тихомиров // Журнал министерства народного просвещения. – 1890. – Ч. 270. – № 7. – С. 168–171.
11. Тихомиров, М. Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – 1942. – № 13. – С. 256–283.
12. Шахматов, А. А. Летописи / А. А. Шахматов // Новый энциклопедический словарь. – Пг., 1915. – Т. 25. – Стб. 146–166.
13. Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – 372 с.
14. Шахматов, А. А. Общерусские летописные своды XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. 331. – 1900. – С. 90–176.

Ермалёнак В.А.
МАНЕТЫ І СКАРБЫ МЁРШЧЫНЫ
АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА XV СТАГОДДЗЯ

Гісторыя грашовага абарачэння на Беларусі налічвае тысячагоддзі, цягам якіх нашы продкі зведалі нямала войнаў, пошасцяў і галадамораў. Гэтыя негатыўныя з’явы, аднак, дазваляюць нам сёння азірнуцца назад і ўбачыць мінуўшчыну ў яе матэрыяльным увасабленні. Дастаткова ўзяць у рукі манету – драбноткі кавалак металу, каб дазнацца так шмат пра тое, чым калісьці яны жылі. «Дзякуючы» перыядам ліхалеццяў, бяспэчэнныя скарбы небарак-гаспадароў, што не паспелі паведаміць спадкаемцам аб месцы схавання дэпазіту, дажылі да нашых часоў і захаваць нам гістарычную памяць і прыносяць нам незабыўнае пачуццё повязі з мінулым.

Аб грашовым абарачэнні на тэрыторыі сучаснага Мёрскага раёна можна даведацца з розных крыніц: гістарычных дакументаў, летапісаў, гістарычнай літаратуры, археалагічных раскопак. Але адной з самых цікавых крыніц вывучэння нумізматыкі з’яўляецца непасрэдна знаходкі манет і скарбаў на мясцовасці. Сябры археолага-краязнаўчага гуртка «Арганаўты мінулага» пад час шматлікіх паходаў і вандровак неаднойчы знаходзілі манеты і скарбы, якія зараз захоўваюцца ў гістарычным музеі СШ № 3 і іншых музеях. Шмат інфармацыі аб знаходках манет у нашым краі ўтрымліваецца ва успамінах старажыхароў, запісы іх знаходзяцца ў навукова-дапаможных фондах гістарычнага музея СШ № 3 г. Мёры. На аснове вывучэння, аналізу разнастайных крыніц напісана наша работа. Вялікі аб’ём матэрыялу вымусіў абмежаваць рамкі даследвання XIV ст.

1. АНТЫЧНЫЯ МАНЕТЫ НА МЁРШЧЫНЕ. Не глядзячы на тое, што Мёрскі раён знаходзіцца на адлегласці некалькі тысяч кіламетраў ад былой тэрыторыі Рымскай імперыі, але і ў нашай мясцовасці былі знойдзены антычныя манеты. Гэта абумоўлена, па-першае, наяўнасцю важнага гандлёвага шляху па рацэ Заходняя Дзвіна, якая з’яўляецца паўночнай мяжой нашага раёна; па-другое, існаваннем старажытных гарадзішчаў і паселішчаў жалезнага веку; па-трэцяе, дзякуючы водным артэрыям, насельніцтва мела пэўныя сувязі з антычнай цывілізацыяй. Аб знаходках антычных манет у Мёрскім раёне ёсць публікацыя